УДК 882.09-1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-201-205

ОБРАЗ ПЕКИНА В ТРАВЕЛОГАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1920-Х ГГ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

© Чжу Синьжун

THE IMAGE OF BEIJING IN TRAVELOGUES OF RUSSIAN LITERATURE IN THE 1920S: A GENDER ASPECT

Zhu Xinrong

This article examines Russian travelogues of the 1920s about China in the context of the gender aspect in literary studies. The study is based on two travelogues written by women writers - '7000 Kilometres by Air' (1926) by Z. V. Richter and 'Sketches of China' (1927) by G. I. Serebryakova. The article analyses in detail the writers' understanding of the conflict between the traditional way of life in China and modern trends in Beijing during the period of serious historical changes, the descriptions of traditional customs, social problems in the process of modernization and the women's social status development. Comparing these travelogues with the works of male writers, the researcher concludes that Z. V. Richter and G. I. Serebryakova pay more attention to the fate and status of women in Beijing society than male writers do. They note that upper-class women follow European fashions, while the fate of women from the lower strata of society remained unchanged; at the same time, the movement for women's emancipation became more vigorous due to the emergence of women revolutionaries. The description of the Beijing society modernization by female writers is more subjective, emotional and plot-oriented than the narrative of male writers.

Keywords: Russian literature, travelogue, image of Beijing, Z. V. Richter, G. I. Serebryakova, gender aspect

В данной статье рассматривается русский травелог 1920-х гг. о Китае в контексте гендерного аспекта изучения литературы. Материалом исследования оказались два травелога, написанных писательницами-женщинами – «7000 километров по воздуху» (1926) З. В. Рихтер и «Зарисовки Китая» (1927) Г. И. Серебряковой. Автор статьи подробно анализирует понимание писательницами конфликта между традиционным образом жизни в Китае и современными тенденциями в Пекине в период серьезных исторических перемен, описание традиционных обычаев, социальных проблем в процессе модернизации и развития социального статуса женщин. Сопоставляя данные травелоги с произведениями писателей-мужчин, исследователь приходит к выводам, что З. В. Рихтер и Г. И. Серебрякова уделяют больше внимания судьбе и положению женщин в пекинском обществе. Они отмечают, что женщины высшего класса гонятся за европейской модой, а судьба женщин из низов общества остается неизменной, и в то же время движение за эмансипацию женщин становится более энергичным благодаря появлению женщин-революционеров. Описание модернизации пекинского общества женщинами-писательницами более субъективно, эмоционально и сюжетно по сравнению с повествованием писателей-мужчин.

Ключевые слова: русская литература, травелог, образ Пекина, З. В. Рихтер, Г. И. Серебрякова, гендерный аспект

Для цитирования: Чжу Синьжун. Образ Пекина в травелогах русской литературы 1920-х гг.: гендерный аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 201–205. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-201-205

История взаимодействия России и Китая насчитывает не одно столетие. С XVII в., когда Россия начала посылать в Китай миссионеров, образ Китая начал формироваться в отчетах и путевых заметках посланников и церковников. На протяжении XVIII и XIX вв. российско-

китайские обмены становились все более частыми: многие русские дипломаты, миссионеры и купцы совершали поездки в Китай. Впоследствии некоторые из них стали синологами и написали книги, основанные на увиденном и услышанном в Китае. К примеру, выдающийся китае-

вед XIX в. В. П. Васильев (1799–1837) работал в Российской духовной миссии в Пекине на протяжении 1840–1850-х гг. и опубликовал большое количество трудов о Китае: «Китайская грамматика», «Китайская хрестоматия», «История Китая» и др. [1 с. 111]. Важное место в его научном наследии занимает «Очерк истории китайской литературы», опубликованный в серии «Всеобщая история литературы» в 1880 г. В нем он рассматривает китайскую литературу как обособленное культурное образование, не пытаясь подогнать китайскую традицию под европейские шаблоны [2, с. 111].

В первые три десятилетия XX в. в Китае произошли большие изменения в мировоззрении и общественном сознании, вызванные чередой революций, войн, появлением и развитием новых идей. Многие русские дипломаты, ученые, деятели культуры, писатели (В. Немирович-Данченко, В. М. Алексеев, А. Е. Ферсман, Ю. Галич, Б. А. Пильняк, А. А. Ивин, М. Г. Андреев, З. В. Рихтер, Г. Серебрякова и т. д.) жили или работали в Пекине в этот период, они были свидетелями социальных изменений в Китае и в какой-то степени участвовали в них. Их принадлежность к разным слоям общества, разные социальный статус, пол и возраст дают возможность с разных точек зрения и с разным отношением записать увиденное и услышанное во время пребывания в Китае.

Как столица Китая и место многих важнейших событий эпохи перемен и социальных преобразований исторический, политический и культурный образ Пекина стал олицетворением восприятия и формирования всего Китая в русской травелогической литературе этого периода. В частности, ряд писателей-мужчин в 1920-е гг. описывали жизнь в Пекине в своих трудах и статьях. К примеру, с 1917 по 1927 г. известный китаевед А. А. Иванов (псевдоним – А. Ивин, 1888–1942) в качестве профессора Пекинского университета и корреспондента московской газеты «Правда» работал в Китае. Являясь непосредственным свидетелем перемен, происходивших в Пекине в 1920-е гг., он в своей книге «Письма из Китая» представляет образ Пекина в период перехода от старой к новой цивилизации.

Другой китаевед и экономист М. Г. Андреев (1888–1945) учился в Китае в 1913 г. и работал там в 1925–1927 гг. Его статья «В Пекине» посвящена описанию больших перемен, произошедших в этой древней столице за 14 лет. Он рассказал об историческом наследии Пекина, его географии, быте, культуре и проанализировал экономическую структуру Пекина. Следует отметить, что писатели-мужчины демонстрируют

более широкое и объективное изображение Пекина в целом, между тем как две женщины-писательницы того же периода передают особенности образа Пекина 1920-х гг. с особой точкой зрения и с более тонким подходом.

Зинаида Владимировна Рихтер (1890–1967) – русская советская писательница и журналистка. В качестве корреспондента «Известий» она участвовала в первом воздушном полете по маршруту Москва – Монголия – Пекин и посетила Пекин в 1925 г., а затем выпустила книгу «7000 километров по воздуху».

Ее повествование делится на три части: прилет в Пекин, посещение чаепития для дипломатов и посещение банкета. В первой части повествования о полете в Пекин З. В. Рихтер использует большое количество слов, обозначающих цвета и характеризующих смену времени и места действия, например «*пески мертвой пустыни*», что «*под нами сменились зелеными*», «*близну китайских одежд*», «*желто-смуглые лица*», «*красные розетки*», «*золотые и серебряные галуны*», «*красные стяги*» [3, с. 294] и т. д. Эти слова отражают первое впечатление автора о Пекине в виде самобытного, яркого и активного города. Одновременно Рихтер подчеркивает, что «*китайская молодежь сделала все, чтобы дать нам почувствовать искреннюю симпатию к СССР*» [Там же]. Стоит отметить, что первое впечатление З. В. Рихтер о Китае более позитивно по сравнению, например, с Б. А. Пильняком, где в начале его «Китайской повести» можно встретить следующее наблюдение: «*В желтой воде, похожей на перепревший чай, около берега плывет труп китайца*» [4, с. 5].

Описывая чаепитие дипломатов и банкет, З. В. Рихтер показала две стороны Пекина: с одной стороны, он консервативен и традиционен, с другой – он движется в сторону европеизации. Эта особенность отражается как в описаниях сцен, так и в диалогах персонажей. Например, писательница показывает читателю, что перед дверью большого роскошного китайского дома, где проходит чаепитие, стоит каменная стена, чтобы отгородиться от нечистых предметов; двор оформлен в традиционном китайском стиле, а гостиная декорирована в полеевропейском стиле. В беседе З. В. Рихтер узнала, что «*в семейном китайском быту произошли коренные перемены, но кое-что сохранилось еще от старины*» [3, с. 298]. Безусловно, европейская культура стала модной в Пекине с начала XX в., а женщины из высших слоев общества начали подражать европейским женщинам, изменив национальную одежду и прически. Однако изменения в образе жизни высших классов, свидетелем

которых стала автор, не распространились на всю страну, и некоторые традиции и обычаи остались в повседневной жизни.

Особое внимание уделяет автор положению женщин в Китае и их судьбе. З. В. Рихтер отмечает, что в Пекине постепенно отменяются такие обычаи, как уродование ног девочкам, брак по расчету и полигамия. Однако статус и судьба китайских женщин не одинаковы на разных социальных уровнях. Женщины высшего класса следовали европейским тенденциям и были одержимы красотой, но, по сути, являлись компаньонками для своих официальных мужей, в то время как некоторые женщины продолжали наследие своих мужей и занимались общественной работой. Например, вдова Сунь Ятсена во время пребывания З. В. Рихтер была *«на юге по делам стачечного комитета»* [Там же] и не смогла встретиться со автором. Вместе с тем подавляющее большинство женщин из низших слоев общества все еще не освободились от своей традиционной участи быть орудием деторождения, то есть женами или наложницами, и враждовать друг с другом на заднем дворе. По мнению автора, китайские женщины начали постепенно «раскрепощать» свой разум, а некоторые даже заинтересовались полетами: *«Едва научившись ходить и перестав уродовать ноги, китайки уже мечтают летать...»* [Там же].

Кроме того, автор также кратко упоминала о рикшах, русских эмигрантах, банкетном этикете и кухне, старой императорской системе экзаменов и широком спектре традиционных семейных отношений в Китае. Согласно мнению автора, унизительный труд рикши должен быть отменен, а громоздкий китайский этикет вызывает у нее недоумение. З. В. Рихтер описала свои встречи с эмигрантами, которые не хотят признавать себя русскими и отрицают существование их собственной страны. Автор тонко выразила свою позицию и утверждение Октябрьской революции и политической системы СССР через косвенную речь кинорежиссеров: *«<...> в России давно нет голода; наоборот, кондитерские и пирожные даже лучше, чем в Пекине»* [Там же, с. 300].

З. В. Рихтер воссоздала свой визит в Пекин от лица журналиста в виде описания сцен и диалогов, дала представление о жизни и обществе Пекина в 1920-е гг., формируя образ города Пекина в процессе европеизации и модернизации. Изложение З. В. Рихтер более субъективно и сфокусировано на положении женщин, нежели у мужчин-китаеведов А. Ивина и М. Г. Андреева, которые также характеризуют европеизацию пекинского общества. В противовес женскому взгляду писателя-мужчины не только оценивают

процесс модернизации Пекина с точки зрения наблюдателя, но и объясняют особенности пекинского общества того времени с разных точек зрения (исторической, политической, экономической, культурной), но при этом ничего не упоминают о судьбе женщин.

Другая писательница и журналистка, Г. И. Серебрякова (1905–1980), в 1926–1927 гг. жила в Китае с мужем Л. П. Серебряковым. В книге «Зарисовки Китая» она описывает социальные условия, традиционные обычаи и образ жизни в Пекине, а также положение китайских женщин с точки зрения наблюдателя от третьего лица.

Г. И. Серебрякова начала с описания своего общего впечатления от Пекина в эмоциональном ключе. По ее первому впечатлению, Пекин не похож на большой китайский город, и у нее даже возникла мысль: *«Где же Китай?»* [5, с. 308], когда увидела европеизированный пекинский вокзал. Она описала Пекин как город, в котором сосуществуют традиционные и современные элементы. Г. И. Серебрякова подчеркнула сочетание европейских архитектурных стилей с древними китайскими стенами, сближение Запретного города с иностранными посольствами, контраст между широкими главными дорогами и узкими кварталами, а также сосуществование зажиточных иностранных поселений и менее благополучных китайских общин. Повествование автора представляет собой не объективный, а скорее эмоциональный рассказ. Например, *«нелепо и покорно торчит грязная пекинская стена», «загадочно и угрожающе тянутся здания иностранных посольств», «нищета, ни с чем не сравнимая, в быту тех, на чьих костях вырос Пекин с его прекрасными дворцами и тихими европейскими кварталами»* [Там же, с. 309]. Из приведенного описания видно, что автор с симпатией и пониманием относится к Китаю.

Г. И. Серебрякова изобразила некоторые суеверия и обычаи жителей Пекина, особенности их погребения и брака. Автор уверена, что, хотя большинство населения все еще сохраняет старые обычаи, появление нового образа жизни повлияет на экономическую структуру, и в конце концов старые обычаи будут отброшены. Однако возникнут новые проблемы, такие как конфликты между низшими слоями китайского общества и формирующейся экономической структурой, между водителями рикш и трамваев.

С гендерной точки зрения представляется интересным сопоставить «Зарисовки Китая» Г. И. Серебряковой со статьей М. Г. Андреева, который в то же время работал в Пекине. Он достаточно объективно описывает изменения,

происходящие с городом, и отношение к ним: открытие прохода в Запретный город, смену владельцев Императорского дворца, появление трамваев, системы водоснабжения и канализации. Анализируя индустрию рикш, экономист сначала изучил функции рикш и условия, в которых они возникли, затем он использовал значительный массив объективных данных для изучения состава заработной платы водителей рикш, состава рабочей силы и текущего экономического положения отрасли. Андреев отмечает, что «*большинство рикш все-таки элемент случайный, немного среди них найдется таких, которые бы постоянно занимались этим тяжелым промыслом*» [6, с. 274]. Г. И. Серебрякова же прямо назвала рикшу формой эксплуатации человека, особенно выделяя детей в возрасте от 9 до 12 лет. Кроме того, она подчеркивала широко распространенную традицию: «*...пассажир, едущий на рикше, „издыхающем“ на его глазах, должен класть на мертвое тело имеющиеся при нем деньги „на похороны“*» [5, с. 311].

Как отмечает Н. А. Вялых, «гендерное поведение анализируется отечественными авторами в социальной, экономической и политической плоскостях, но обычно изучаются не само поведение как реакция „человека действующего“ и социальные последствия этой реакции в духе концепций акционизма, а особенности когнитивной и эмоциональной сфер мужского и женского» [7, с. 64]. Вслед за А. С. Афанасьевым мы понимаем «деление всей совокупности художественных произведений, написанных авторами-женщинами, на *гендерно-маркированную литературу* и тексты, созданные в рамках *большого канона*» [8]. И хотя ни один из представленных женских травелогов не является примером гендерно-маркированной литературы, расхождения между двумя рассмотренными писателями можно объяснить не только социальным статусом, но и влиянием гендера. Как писатель-мужчина, М. Г. Андреев подробно рассказывает о преобразованиях, происходящих в Пекине, и его экономической структуре. Он предлагает взгляды с точки зрения синолога и экономиста, тем самым обосновывая продолжающийся процесс модернизации города. При этом Г. И. Серебрякова с позиции женщины-революционера и врача взглянула на положение Пекина и стоящие перед ним проблемы с гуманистической точки зрения.

О китайских женщинах Г. И. Серебрякова дала исчерпывающий и подробный рассказ. Она описывала положение простых женщин в старом китайском обществе. Женщине с ранних лет прививалось представление о красоте: «*быть тонкой, с изогнутой спиной*» [5, с. 315], как ло-

тос – слабой, беспомощной. Китайские женщины должны быть абсолютно послушными с рождения до смерти, жить в рабстве и послушании отцам, мужьям и сыновьям. Г. И. Серебрякова также отметила, что традиционно к китайским женщинам относятся как к репродуктивным инструментам, товарам, и они часто становятся жертвами власти, денег и сделок с властью: «*„купля“ и „продажа“ женщин, как и все случаи жизни китайцев, обставлены сложными церемониями*» [Там же, с. 317]. Кроме того, Г. И. Серебрякова выделяла двух женщин в истории Китая начала XX в. – императрицу Ци и революционерку Цю Дзинь. Эти две женщины представляют разные классы: первая – представитель древней феодально-имперской системы Китая, а вторая – многочисленных революционеров, восставших против феодально-имперской системы, и женщин, освободивших свое мышление. Цю Цзинь является первой женщиной-революционером в современном Китае, она присоединилась к революционному движению в раннем возрасте и в итоге пожертвовала своей жизнью ради революции: «*В годы царствования императрицы Ци впервые в истории Китая была казнена женщина-революционерка, учительница Цю Дзинь, во многом сходная с Софьей Перовской, первой русской казненной революционеркой*» [Там же, с. 318]. Серебрякова подчеркивала что, «*Цю Цзинь назвали „равная мужчине“ – наибольшее признание для китайки*» [Там же]. Очевидно, что положение женщин в Китае по-прежнему поработано патриархальной системой. Об этом свидетельствует не только участие революционных мучениц, но и общий низкий статус женщин по сравнению с мужчинами. К счастью, автор стал свидетелем подъема женского освободительного движения и появления все большего числа женщин-революционеров.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русский травелог 1920-х гг. о Китае имеет свой гендерный ракурс. Изображая Пекин, русские писательницы З. В. Рихтер и Г. И. Серебрякова уделяют больше внимания судьбе и положению женщин в пекинском обществе, чем писатели-мужчины. Они отмечают, что женщины высшего класса гонятся за европейской модой, а судьба женщин из низов общества остается неизменной, и в то же время движение за эмансипацию женщин становится более энергичным благодаря появлению женщин-революционеров. Описание модернизации пекинского общества женщинами-писательницами более субъективно, эмоционально и сюжетно по сравнению с повествованием писателей-мужчин.

Список источников

1. Романенко А. Д. Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.
2. Успенский В. Л. Жизнь и труды академика Василия Павловича Васильева: размышления по поводу 200-летнего юбилея // Новый исторический вестник. 2019. № 2 (60). С. 108–120.
3. Рихтер З. В. 7000 километров по воздуху // Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 293–307.
4. Пильняк Б. А. Китайская повесть // Новый мир. 1927. № 6. С. 5–29.
5. Серебрякова Г. И. Зарисовки Китая // Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 308–319.
6. Андреев М. Г. В Пекине // Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 267–292.
7. Вялых Н. А. Гендерное поведение в российском обществе как предмет научных исследований // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 55–64.
8. Афанасьев А. С. Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980–2010-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022. 399 с.

References

1. Romanenko, A. D. (2008). *Kitai u russkikh pisatelei* [China by Russian Writers]. 528 p. Moscow, Algorithm. (In Russian)

2. Uspensky, V. L. (2019). *Zhizn' i trudy akademika Vasiliya Pavlovicha Vasil'eva: razmyshleniya po povodu 200-letnego yubileya* [Life and Works of Academician Vasily Pavlovich Vasiliev: Reflections on His 200th Anniversary]. *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 2(60), pp. 108–120. (In Russian)
3. Richter, Z. V. (2008). *7000 kilometrov po vozdukhу* [7000 Kilometres by Air]. *Kitai u russkikh pisatelei*. Pp. 293–307. Moscow, Algorithm. (In Russian)
4. Pilnyak, B. A. (1927). *Kitaiskaya povest'* [A Chinese Story]. *Novyi mir*. No. 6, pp. 5–29. (In Russian)
5. Serebryakova, G. I. (2008). *Zarisovki Kitaya* [Sketches of China]. *Kitai u russkikh pisatelei*. Pp. 308–319. Moscow, Algorithm. (In Russian)
6. Andreev, M. G. (2008). *V Pekine* [In Beijing]. *Kitai u russkikh pisatelei*. Pp. 267–292. Moscow, Algorithm. (In Russian)
7. Vyalykh, N. A. (2016). *Gendernoe povedenie v rossiiskom obshchestve kak predmet nauchnykh issledovaniy* [Gender Behaviour in Russian Society as a Subject of Scientific Research]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. No. 11, pp. 55–64. (In Russian)
8. Afanas'ev A. S. (2022). *Strategii gendernykh reprezentatsii v russkoi zhenskoi literature 1980-2010-kh gg.: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk* [Strategies of Gender Representations in Russian Women's Literature of the 1980s-2010s: Doctoral Thesis]. Kazan, 399 p. (In Russian)

The article was submitted on 05.01.2025
Поступила в редакцию 05.01.2025

Чжу Синьжун,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhuxinrong77@163.com

Zhu Xinrong,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhuxinrong77@163.com